
— Учитель Шэнь, к вам в группу сегодня новенького привели? — поинтересовалась учительница Ли за обедом.

Шэнь Цзя кивнул. Мальчика звали Чжоу Цзяи. Утром его привёл какой-то мужчина — видимо, отец, — но заведующая ничего толком не объяснила: назвала только имя да возраст и попросила присмотреть за ребёнком получше.

— Учитель Шэнь, а новенький как? Балуется? — любопытствовал Цзян Хэ.

Шэнь Цзя заколебался, не зная, как точнее описать мальчугана.

— Да нет, не балуется. Очень послушный мальчик. Просто... неразговорчивый.

— Ого! — фыркнул Цзян Хэ и усмехнулся: — Раз уж наш учитель Шэнь называет его неразговорчивым, значит, парень за весь день и слова не обронил!

Шэнь Цзя смущённо улыбнулся: Цзян Хэ угадал в самое яблочко.

Приведя малыша в группу, Шэнь Цзя предложил ему представиться перед ребятами, но тот лишь молча простоял на месте. На вопросы о том, не хочет ли он пить или в туалет, мальчик отвечать отказывался — только качал или кивал головой. За всё утро от него действительно никто не услышал ни звука.

— Эх, сложно с такими... — нахмурилась учительница Ли.

— Ничего страшного. Народу вокруг много, вот он и постеснялся. Перед тихим часом попробую поговорить с ним наедине.

Шэнь Цзя славился редким терпением и мягкостью. Он никогда не повышал голоса и не сердился, за что дети в саду души в нём не чаяли и липли к нему при любой возможности.

После обеда, отведя группу в спальню, Шэнь Цзя придержал Чжоу Цзяи, который до последнего переминался у двери, не желая заходить.

Опустившись перед мальчиком на корточки, Шэнь Цзя тепло улыбнулся:

— Малыш, если не хочешь спать, давай просто поболтаем? Скажешь учителю, как тебя зовут?

В коридоре стояла тишина, а голос воспитателя звучал так ласково и убаюкивающе, что

робкий мальчуган наконец решился заговорить.

— Чжоу Цзяи... — тихонько буркнул круглолицый крепыш в ярко-жёлтой футболке, теребя край одежды и не смея поднять глаз.

Шэнь Цзя мягко сжал его ладошку:

— А могу я звать тебя И-и?

Малыш от неожиданности залился краской и тут же выдернул пухлую ручонку.

— Вы... вы же девочка! Нельзя просто так брать меня за руку!

Шэнь Цзя обомлел, а затем, не выдержав серьёзного тона малыша, тихо и задорно рассмеялся. Он смеялся так искренне, что плечи его задрожали, а тёмные волосы, спадавшие до плеч, соскользнули.

Лишь спустя минуту он перевёл дыхание. На глазах от смеха выступили капельки слёз, но с лица не сходила ласковая улыбка.

— И-и, а вот и нет. Я дядя. Смотри внимательно...

Шэнь Цзя чуть приподнял подбородок и приложил указательный палец к изящной белой шее, сбоку от отчётливо выступающего кадыка.

Мальчик удивлённо похлопал глазами, подступил ближе и с разрешения воспитателя несмело дотронулся до его шеи. И только тогда поверил, что этот длинноволосый, ласковый учитель — действительно мужчина.

— Видишь? У меня есть кадык. Такой же, как у папы, который тебя привёл. Мы с ним оба мужчины.

Услышав про отца, Чжоу Цзяи мгновенно поник.

— Он не папа, он дядя... — едва слышно пролепетал пятилетний малыш. — Мама с папой развелись. Папе я больше не нужен, он не хочет меня видеть.

Развод.

Слово из жёсткого взрослого мира нелепо и больно прозвучало из уст ребёнка, чья жизнь пока должна была состоять лишь из сладостей и каруселей.

У Шэнь Цзя сжалось сердце. Он взглянул на крошечные пальчики, добела сжавшие край футболки, и на личико, искажённое недетской обидой, но изо всех сил сдерживающее слёзы.

Перед глазами Шэнь Цзя всплыли воспоминания многолетней давности. Когда ушла мать, он каждую ночь тихонько всхлипывал в подушку. Однажды Шэнь Цяньлуну это надоело: он вытащил сына из каморки и жестоко избил, после чего мальчик затаился навсегда. С тех пор по ночам он лишь судорожно сжимал край одеяла, закусывал его зубами и глушил собственные рыдания в горле.

Опустившись на одно колено, Шэнь Цзя бережно притянул к себе хрупкое детское тельце, переполненное горем.

— И-и, знаешь... Взрослые иногда бывают куда трусливее детей. Когда у них что-то не получается, они пугаются, боятся посмотреть правде в глаза и прячутся. Папа не бросал тебя. «Развод» вовсе не значит, что ты ему не нужен. Наверное, он просто боится, что ты разозлишься на него и назовёшь трусом.

Шэнь Цзя понятия не имел, о чём думал отец мальчика, но отдать права на воспитание и отказаться от встреч с сыном мог только законченный трус. Впрочем, осуждать отца вслух Шэнь Цзя не стал: для такого крохи родители оставались центром Вселенной, и мысль о том, что они его не любят, казалась крушением мира. Дети не терпят, когда кто-то ругает их близких. К тому же эти проблемы должны были решать сами взрослые, а не вваливать последствия своих решений на детские плечи.

— Так что ты ни в чём не виноват, слышишь? Ни капельки.

Шэнь Цзя гладил мальчика по мягким коротким волосам и тихонько баюкал его, пока тот не уткнулся ему в плечо и не разрыдался в голос.

Спустя некоторое время всхлипы утихли, сменившись ровным сопением. Пухлые ручонки, обнимавшие учителя за шею, бессильно соскользнули.

Шэнь Цзя чуть отстранился и взглянул на малыша: тот уснул прямо у него на руках, а на румяных щёчках всё ещё блестели дорожки слёз. Качнув головой с нежной улыбкой, Шэнь Цзя подхватил мальчика и понёс к младшему воспитателю.

— Уснул? — шёпотом спросила та, увидав их.

— Да. До конца тихого часа ещё есть время, уложу его.

Шэнь Цзя осторожно перенёс мальчика на свободную кровать и укрыл лёгким одеялом. Отжав тёплое полотенце, аккуратно умыл ему заплаканное лицо и, глядя на мирно спящего ребёнка, про себя тихо помолился:

«Пусть этот малыш растёт здоровым, счастливым и не знает больше горя».

— Учитель Шэнь, у вас просто дар ладить с детьми! — восхитилась воспитательница, когда они вышли из спальни.

— Я просто очень их люблю, — с улыбкой ответил Шэнь Цзя. — Рядом с ними мне и самому радостно, хочется окружить их теплом.

За последнее время он заметно сблизился с коллегами и теперь спокойно поддерживал простые житейские разговоры.

Проснувшись после тихого часа, Чжоу Цзяи уже и думать забыл о дневных печалях. Пополднивав со всеми фруктами и сладостями, он — подбадриваемый Шэнь Цзя — больше не сидел букой в углу и быстро вовлёкся в общие игры.

Пришло время отправляться домой. Шэнь Цзя стоял у ворот детского сада, лично передавая каждого воспитанника с рук на руки родителям.

— Учитель Шэнь, скажите моей маме, что я сегодня был самым послушным!

— Учитель Шэнь, а вы встретите меня завтра у входа?

— А спойте нам завтра песню, ну пожалуйста!

Шэнь Цзя терпеливо откликался на каждую просьбу, а в его карих глазах светилась бесконечная доброта. Он стоял в лучах заходящего солнца — высокий, стройный, гибкий, словно ива над вечерней рекой. Тёмные волосы, собранные днём в небрежный хвост, слегка растрепались, и несколько прядей упали на лицо. Лёгкий летний ветерок прижал их к улыбающимся губам. Шэнь Цзя мягко отвёл прядь за ухо, наклонялся к каждому малышу, чтобы попрощаться, а затем долго махал вслед уходящим.

Дети воспринимали его не просто как воспитателя, а как родного человека. Даже отходя на приличное расстояние, они оборачивались и кричали: «Учитель Шэнь, до завтра!», и успокаивались только тогда, когда он с улыбкой кивал в ответ.

Постепенно толпа рассосалась. Закат становился всё гуще. Шэнь Цзя с обеспокоенностью оглянулся на Чжоу Цзяи, который так и сидел на детской горке. Вскоре во дворе не осталось никого, кроме них.

— Учитель Шэнь, может, позвонить его родителям? Почему за ним никто не идёт? — подошёл охранник и протянул мальчику коробочку с молоком. Чжоу Цзяи взглянул на воспитателя и, получив одобряющий кивок, вежливо поблагодарил.

Шэнь Цзя достал телефон, но мальчик опередил его:

— Учитель Шэнь, мамы нет дома. Сегодня за мной должен прийти дядя. Он предупреждал, что задержится, но обязательно придёт!

Шэнь Цзя нахмурился — в анкете был указан только номер матери. Он опустил на корточки, собираясь спросить, помнит ли И-и телефон дяди, как у калитки раздался запыхавшийся мужской голос:

— Извините, я заставил вас ждать! Я за Чжоу Цзяи!

Голос показался Шэнь Цзя знакомым. Он обернулся и замер.

Ярко-рыжие волосы, тёмные джинсы, чёрная футболка и выразительное, чуть хищное лицо, которое раньше показалось ему опасным.

Это был тот самый гонщик. Тот самый парняга, который на треке настоял на «дай пять» и со всей силы сжал его ладонь.

Как же... как его зовут?

Шэнь Цзя скользнул взглядом по сильным рельефным рукам мужчины, перевёл взор на его красивое породистое лицо, и в памяти всплыло имя:

Чжоу Цзыфэй.

— Простите за задержку, кое-какие дела закрутили. Извините, что создаю вам хлопоты, — Чжоу Цзыфэй отер пот со лба. Сердце в его груди колотилось как бешеное, когда он смотрел на воспитателя.

Сделав глубокий вдох, он двинулся вперёд. С каждым шагом, сокращавшим расстояние между ними, его пальцы всё сильнее дрожали от волнения.

— Дядя! — радостно визгнул Чжоу Цзяи и со всех ног бросился к нему, обняв за ногу. От такой неожиданности и без того подкашивающиеся колени Цзыфэя чуть не подогнулись — он едва не рухнул перед Шэнь Цзя на колени.

Тронув племянника по макушке, Чжоу Цзыфэй буркнул:

— Отцепись, а то штаны сдёнешь.

Он снова подставил взор под строгий взгляд воспитателя, собираясь что-то сказать, но Шэнь Цзя опередил его.

— Дядя И-и, вы сегодня слишком опоздали! Всех остальных детей давно забрали. Малыш видел, как за его друзьями приходят родители, а сам остался один. Ему же страшно! Пожалуйста, в следующий раз приходите вовремя.

Шэнь Цзя выглядел небывало суровым: бровки нахмурены, в ласковых глазах — ни тени улыбки, а мягкий обычно голос звучал чересчур строго.

Чжоу Цзыфэй смутился и зачастил:

— Простите, простите, пожалуйста! Только не сердитесь. У меня сегодня была тренировка, никак не мог вырваться, но в следующий раз...

— Вы должны извиняться перед Цзяи, а не передо мной. Я не сержусь, мне просто больно за мальчика. Детский мир совсем крошечный, родные для них — это всё. И вам стоит относиться к нему с таким же уважением и любовью, с какими он относится к вам. Если понимаете, что не успеваете, попросите кого-то из взрослых забрать ребёнка. Не оставляйте его сидеть в одиночестве на пустом дворе!

Выпалив всё это, Шэнь Цзя заметил, что малыш замер в изумлении, а сам Чжоу Цзыфэй побледнел даже сильнее племянника.

Только сейчас Шэнь Цзя осознал, что перегнул палку — прошлые детские обиды захлестнули его, вылившись на совершенно постороннего человека.

Повисла неловкая пауза.

— Простите... я погорячился, — опустив глаза, тише проговорил Шэнь Цзя. — Забирайте И-и домой. Скоро семь, парень наверняка проголодался.

Он протянул гонщику детский рюкзачок и собрался уйти, но кто-то крепко вцепился в подол его одежды.

— Учитель Шэнь... мне совсем не было страшно ждать дядю. Вы же были со мной!

Малыш уткнулся личиком в его ногу, судорожно сжимая ткань брюк.

— Учитель Шэнь, не расстраивайтесь и не сердитесь! Не надо быть трусом и прятаться...

У Шэнь Цзя защипало в глазах, а в горле встал комок.

Развод родителей, удушаемые по ночам слёзы, бесконечные одинокие вечера в ожидании хоть кого-нибудь... Он просто испугался, что Чжоу Цзяи повторит его судьбу.

— Учитель... Учитель Шэнь, простите меня, — раздался над ухом низкий бархатистый голос, преисполненный искренней вины. — Я больше никогда не опоздаю, правда. Не огорчайтесь. Мы же... в первый раз общаемся нормальным образом, и я тут же вас расстроил. Это уж слишком...

Цзыфэй выглядел настолько растерянным, что, будь он помладше, наверняка тоже прижался бы к ноге учителя, вымаливая прощение.

Шэнь Цзя обернулся. Сначала он ласково улыбнулся мальчику, давая понять, что всё в порядке, а затем поднял взгляд на гонщика.

Высокий, крепкий парень стоял, опустив голову и спрятав руки за спину, точно провинившийся школьник.

— Господин Чжоу, вы меня не расстроили. И... мы встречаемся далеко не в первый раз.

Шэнь Цзя наконец понял, почему лицо парня на гонках показалось ему знакомым. Звук его голоса моментально вызвал в памяти образ упрямых, пронзительных глаз.

Губы воспитателя тронула тёплая улыбка.

— Месяц назад мы пересеклись поздно ночью в круглосуточном магазинчике. Вы тогда сказали, что поругались с родными. А пару недель назад на автодроме я сидел в первом ряду. Вы победили в заезде и во время круга почёта настояли на том, чтобы дать мне «пять».

Чжоу Цзыфэй был уверен, что Шэнь Цзя ничего не помнит. На протяжении стольких случайных встреч в прошлом Шэнь Цзя никогда не обращал на него внимания. Каждый раз он смотрел как на незнакомца и равнодушно уходил прочь — рука об руку с Юй Сянханом.

Но теперь всё изменилось. В мире Шэнь Цзя наконец проявился его чёткий силуэт.

— Надо же... ты помнишь... — опешил Чжоу Цзыфэй, заворожённо глядя в карие глаза напротив.

Шэнь Цзя вновь тихонько рассмеялся:

— У меня хорошая память. Если работаешь с детворой, приходится помнить в лицо и по именам кучу народа. Разве я мог забыть?

— Дядя! Учитель Шэнь! О чём вы говорите? Вы что, знакомы?! — вмешался И-и, дёргая обоих за брюки и переводя любопытный взгляд с одного на другого.

Это отвлекло Шэнь Цзя, и он переключил внимание на малыша:

— Ещё бы! Мы с твоим дядей давние знакомые. Так что слушайся дома: хорошо кушай, вовремя ложись спать и не вредничай, а то дядя мне сразу всё расскажет!

Шэнь Цзя ласково подшучивал над И-и, а Чжоу Цзыфэй тем временем справлялся с бурей эмоций. Дикий восторг, смешанный с подступающими слёзами, уступил место привычной выдержке.

— Учитель Шэнь, уже поздно, давайте я вас подвезу, — предложил он, распахнув дверцу машины.

Шэнь Цзя намеревался отказаться, но под напором уговоров и капризов И-и всё же сдался и сел на заднее сиденье.

— Куда ехать? Я забью адрес в навигатор.

— В район Синьди. На самом деле тут совсем недалеко.

Пешком до Синьди было минут двадцать ходу, так что поездка действительно казалась излишней.

Чжоу Цзыфэй бросил взгляд в зеркало заднего вида и встретился глазами с Шэнь Цзя.

Их взоры скрестились лишь на мгновение. Гонщик тут же отвернулся, но Шэнь Цзя успел заметить: хищный, опасный огонь в этих глазах сменился глубокой, обволакивающей мягкостью.

— Хорошее место. Слышал, там отличные дома, удобно для семьи, — заметил Цзыфэй.

Шэнь Цзя просто кивнул, не вдаваясь в подробности.

— Вы задерживаетесь, домашние, небось, уже извелись, — продолжал разведывать Чжоу Цзыфэй. — Могу поддать газу, если нужно.

Поколебавшись секунду, Шэнь Цзя тихо ответил:

— Не стоит. Я живу один. Вы главное едьте осторожно.

— Понял, — спокойно ронял Цзыфэй.

Но там, где Шэнь Цзя его не видел, на губах гонщика заиграла дерзкая, торжествующая ухмылка.

Машина быстро добралась до жилого комплекса. Шэнь Цзя уже вылез и собирался захлопнуть дверцу, когда Цзыфэй обернулся:

— Учитель Шэнь, давайте обменяемся контактами?

На улице совсем стемнело. Салон освещал лишь тусклый синеватый свет приборной панели. В этой полутьме низкий бархатистый голос и протянутый смартфон приобретали какой-то особенный, двусмысленный подтекст.

У Цзыфэя были тяжёлые надбровные дуги, и сейчас, когда он прищурился, поворачиваясь к пассажиру, в нём снова проглянуло что-то хищное, затаившееся в тени.

Шэнь Цзя сначала смутился, но потом вспомнил, что мамы И-и нет в городе, а опека легла на плечи дяди. Рассудив, что связь с опекуном необходима для работы, он понимающе кивнул и достал свой телефон.

— Готово. Я добавился в WeChat и вбил свой номер.

Вернув смартфон, Шэнь Цзя попрощался с дядей и племянником под звонкое «До свидания, учитель Шэнь!» и пошагал к воротам.

У самых ворот его окликнул короткий автомобильный гудок. Обернувшись, он увидел, как из опущенного стекла машет ручонкой И-и, а рядом с ним улыбается Чжоу Цзыфэй.

— Едьте уже! — засмеялся Шэнь Цзя, сложив ладони рупором.

Лишь после этого Цзыфэй поднял стекло и тронул машину с места.

Всю дорогу И-и во весь голос затягивал детскую песенку, выученную за день. Цзыфэй молча вёл машину, как вдруг не удержался и отрывисто хохотнул.

— Дядя, ты чего смеёшься? Я плоховато пою? — смутился малыш.

— Да нет, просто... похоже, скоро я приведу тебе тётю.

Цзыфэй неторопливо побарабанил пальцами по рулю, в его голосе прозвучало нескрываемое, ленивое торжество.

<http://bllate.org/book/19971/1985761>